

ЕВГЕНИЙ КОСТИН

СТРАСТИ ПО РОССИИ

СМЫСЛЫ РУССКОЙ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СЕГОДНЯ

Евгений Костин

**Страсти по России.
Смыслы русской истории
и культуры сегодня**

«Алетейя»

2023

УДК 008
ББК 71.0

Костин Е. А.

Страсти по России. Смыслы русской истории и культуры сегодня /
Е. А. Костин — «Алетейя», 2023

ISBN 978-5-00165-622-7

Новая книга профессора Е.А. Костина включает в себя работы последних лет. Наряду со статьями, посвященными малоисследованным вопросам мифологии русской культуры, ее связям с античностью, происхождению искусства, анализу культурно-архаических черт мира М. А. Шолохова, известный ученый обращается к жанру историсофской эссеистики, размышляет о судьбе и перспективах России в реалиях сегодняшнего дня, исследует цивилизационный разлом в мировой истории, осуществленный Россией в 2022 году, ищет и находит подтверждение своим теоретическим проекциям и практическим прогнозам, но уже опираясь на текущую историческую ситуацию. Формулирует свои представления об основных линиях развития России, Запада и человеческой цивилизации в целом на ближайшее будущее. Основной акцент делается им на «антропологическом сломе» субъекта современной культуры, вышедшей за пределы и христианства, и светского гуманизма. Именно это обстоятельство, по его мнению, выступает главной площадкой противоборства западной и русской цивилизаций. Главная тема книги остается все той же - судьба России как отдельной цивилизации в глобальных перспективах стремительно меняющегося человечества. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 008
ББК 71.0

ISBN 978-5-00165-622-7

© Костин Е. А., 2023

© Алтейя, 2023

Содержание

Предисловие	7
Раздел первый	12
Неотступность воспоминаний о России, которую потеряли	12
Смысл и формы жизни русского человека в истории	18
«Проклятие Петра»: почему Россия всегда лезет туда, где ее не ждут?	22
Забытый пророк. Александр Герцен и исторические уроки поколения «восьмидесятников» XX века	25
Русский исход из цивилизации смыслов в онтологическую пустоту. Как «потерянное» поколение в России сменилось «проданным» от 80-х годов к 90-м прошлого века)	28
Была ли Россия едина внутри себя? И когда?	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгений Костин

Страсти по России. Смыслы русской истории и культуры сегодня

*ПОСВЯЩАЮ моему брату Костину Алексею Александровичу,
профессору, выдающемуся специалисту в области международного
арбитража.*

К 70-летию со дня рождения

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Е.А. Костин, 2023

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

Предисловие

В который уж раз автору приходится писать предисловие к своей книге, но, несмотря на известную рутинность процедуры, все равно это серьезный момент исполняемой работы. Как правило, читатель не очень-то и вчитывается в эти первые страницы книги, ему хочется поскорее перейти к существу излагаемых вопросов, увидеть, как автор изменился в своих воззрениях, подходах, что «новенького» и оригинального у него появится в тексте на этот раз. Правда, это происходит в том случае, если за книгу берется читатель, знакомый с предыдущими опусами автора. Обычная же практика предисловий сводится к ссылкам на историю написания работы, высказывается благодарность коллегам, прочитавшим рукопись и сделавшим ценные, как правило, замечания, указывается на известного рода преемственность данной книги в ряду текстов самого автора, на связь с исследованиями других ученых, так что, по существу, предисловие не нужно рядовому читателю.

Оно нужно самому автору и прежде всего для того, чтобы оправдаться в собственных глазах и убедить самого себя, что данный текст вовсе не случайно появился на свет и что он важен для духовной (научной) эволюции его создателя. В данном же случае, когда речь будет вестись во многом о самых важных, на самом деле об экзистенциальных вопросах существования России как государства, русских как мирового этноса, русской культуры как части общечеловеческой, здесь, *volens-nolens*, надо пускаться в какие-то предварительные объяснения, чтобы уяснить актуальность поднимаемых проблем, их увязанность друг с другом, их «перетекание» в реальность как таковую.

Современная жизнь России, как и всего мира, пришла к точке, когда внезапно вопросы, имеющие отношение как бы к чистой философии и занятиям высоколобых интеллектуалов, коснулись практически каждого русского человека. А в глобальном масштабе и каждого из живущих в современном мире. Это вопросы, как обозначил их великий философ (М. Хайдеггер), «здесь-бытия». Больше и выше этих вопросов не существует ни в практической жизни отдельных людей, ни в жизни стран и цивилизаций в целом.

Само это *бытие* в отличие от прежних исторических эпох распалось на мелкие осколки, да так, что никаким, даже самым прилежным образом, их не удастся собрать заново в некую целостность. И приходится ломать голову над вопросом, а что же делать дальше, *как жить*, если жизнь потеряла не только свою прежнюю форму, но и во многом обесмыслилась в самой своей онтологии? Разумеется, что мы ведем речь о содержании исторической и социальной жизни, а по большому счету и об известном финале существования той цивилизации, которая была нам знакома прежде и которая предлагала свои услуги по *опредмечиванию* жизни в более-менее привычные формы.

Сейчас эти переходные и соединяющие всех вместе живущих людей в единую мировую цивилизацию элементы сыплются на глазах, и каждый день обнаруживаются все новые и новые зияния на месте прежних твердынь. Вопрос встал в полный рост даже не о сохранении прежнего каркаса скрепляющих человечество общецивилизационных подпорок, но каждую минуту необходимо уберегать свою индивидуальную голову от разрушающихся старых социальных и культурных конструкций и с ужасом думать о том, как их воссоздать или заместить новыми.

Поэтому экзистенциальность момента для всего человечества не является красивым словом или умничаньем автора данного текста, но практикой выживания всех и каждого из думающих людей в катаклизмах сегодняшнего дня. И непонятно, на что тут можно опереться, хотя автор и постарается дать свой ответ на данный вопрос. И самое замечательное, в том числе и для автора книги, так как он всю жизнь занимался историей и судьбой России на фоне мировой цивилизации, что именно она, эта удивительная страна, и «выстрелила» в *неповоротливую* мировую историю, чтобы развернуть ее в совершенно противоположную сторону.

Мы не можем и близко осознать всех последствий этого шага. Мы всего лишь надеемся, что избежим «чаши сей» в виде конца света, и мировой самум пожаров и разрушительных торнадо пройдут мимо нас. Но это иллюзии – мир изменился бесповоротно, и главная точка перелома связана с самим человеком. За геополитической абракадаброй, которая вливается в наши уши со всех экранов, что на Востоке, что и на Западе, от всех беспомощных СМИ, сохранивших всего лишь антураж внешней объективности, – кроется поразительная растерянность прежних ведущих акторов мирового сообщества, всех этих вчерашних гуру и, якобы, хозяев земли и мирового человечества. И только по объему лжи и дезинформации, публикуемой абсолютной чуши в виде наукообразных формул о либерализме, демократии, торжестве новых ценностей, представленных в как бы теоретических трактатах о будущем человечестве этих «управленцев» мира, можно понять степень дальнейшего интеллектуального и духовного разложения элиты западной, прежде всего, цивилизации.

Сохранится ли прежний человек, в определенном смысле *витрувианский*, несущий в себе прежние достижения человечества, берущий свое начало еще с эпохи Возрождения, или же он превратится в свой ужасный антипод с полным набором свойств цинизма, эгоистичности, чувственной разнузданности, отсутствия нравственных ограничений, в том числе и религиозного толка? Россия, как ни странно, для внешнего объективного взгляда выступила охранителем *абсолютного антропологизма* в общечеловеческой цивилизации, справедливо посчитав, что за отрицанием, «снятием» в философском смысле, прежних ценностей человека и человечества кроется гибель человека как представителя рода разумных существ в ближайшем к планете Земля космосе. Понятное дело, что и прежняя история человечества не очень много давала положительных примеров высокого стиля поведения и способа мысли человека, но то, что *homo sapiens* демонстрирует в последнее время, выходит за всякие рамки воображаемых границ, связанных с разумностью и нравственностью.

Эти соображения подспудно питали авторский подход к самым разным темам и сюжетам, художникам и философам и их идеями, представленными в конкретных разборах и анализе, – они незримо стояли за всеми его размышлениями.

* * *

Надо заметить в этом месте, что тот жанр научного повествования, который избрал для себя автор сего труда, когда, наряду со строгой филологическим подходом и еще более взыскательным философским дискурсом, появляются целые разделы, в которых собственно историческое повествование перебивается субъективными авторскими соображениями, за которыми стоит его собственная судьба, жизнь в науке, размышления человека русской картины мира, русской же ментальности, человека, укоренного с головой в вопросы о судьбах России, – этот жанр уже был апробирован им ранее в других книгах. И он доказал свою рабочую функциональность, так что и в ряде разделов этой работы, прежде всего в первом из них, автор не будет стесняться демонстрировать свое личное отношение к тем предметам и проблемам, о которых он будет повествовать.

Эту индивидуальную заинтересованность невозможно перекрыть или замаскировать никакими интеллектуальными ухищрениями или иными приемами научного нарратива – все преломлено через собственную судьбу, через погруженность в исторические перипетии твоей родины, так что только прямое и откровенное высказывание становится единственно возможной формой для проговаривания тех слов истины, какие открылись именно тебе. Они, разумеется, нуждаются в том, чтобы их подхватили, с ними ознакомились твои единомышленники, соотечественники, и тем самым, облегчили трудные пути, по которым шагает Россия на переломе двух веков.

Такова установка автора на подобный разговор, а здесь стоит заметить, что любой думающий русский человек, будь то гениальный писатель или исследователь литературы, или просто равнодушный читатель, всегда нуждается в прямом и бескомпромиссном говорении слов *правды*. Этого требует его душа. Эта одна из самых устойчивых и важных парадигм русского национального сознания, когда внешне бесхитростное и интеллектуально, может быть, и не так изощренное, высказывание становится жизненной необходимостью русского человека, и от него зависит и твоя собственная жизнь, и жизнь твоего отечества.

У нас есть высокие примеры такого *говорения* – Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, русские религиозные философы, мыслители, еще недавно бывшие с нами, такие как С. С. Аверинцев и А. Ф. Лосев – все это есть часть нашей культуры и нашего образа мысли, какие так не нравятся нашим противникам и с трудом принимаются другими культурами. Но мы не можем отказаться от такого подхода и к жизни, и к самим себе, и к судьбам своей отчизны. Слова правды ждет и русский (российский) народ в целом. Ждет в любой ситуации, самой тяжелой и исторически непростой. А жизнь России сегодня и состоит из этих трудностей и неразрешимых, на первый взгляд, противоречий.

Трудно писать о России в такие, прямо скажем, переходные времена. Очень просто ошибиться, попасть впросак, увидеть основные линии развития и страны, и культуры, и народного характера не там и не так, как это происходит на самом деле. У нас перед глазами стоят высокие примеры русского философского и исторического *откровения* сразу после революции 1917 года – у М. Горького, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева, С. Франка и многих других выдающихся деятелей русской культуры. Но одновременно, сколько тогда было высказано наносного, ошибочного, сколько было непонимания сути происходивших исторических перемен в глобальном смысле. Что, к слову сказать, было уже увидено теми же мыслителями (пример И. А. Бунина) после других исторических событий, вроде победы в Великой Отечественной войне. Но важнее было и тогда, и сейчас, другое – само стремление высказывать *всю* правду и *до конца*, не прикрываясь никакими красивыми фразами, лозунгами или просто враждебным духу нашей культуры дискурсом. Тогда и в ошибочности, неполной достоверности высказывания будет храниться главное – смысл *поисков* слова истины и откровения, которое почти всегда у русского народа в переломные эпохи своего исторического развития тесно сосуществует рядом с библейским словом настоящего Откровения.

Но нет другого пути, нет других выходов, кроме описанных выше – невзирая на обстоятельства, давление извне, на существующий господствующий *тренд* думания и говорения – думать и говорить так, как завещали нам великие предки.

У автора есть некие права на подобный взгляд на столь важные вещи. Книги, написанные им ранее: «Понять Россию» (2016), «Пушкин: духовный путь поэта» (2018), «Русская литература в судьбах России» (2019), и особенно – «Запад и Россия. Феноменология и смысл вражды, Русская цивилизация в основных кодах, смыслах и фигурах» (2021) нашли своего читателя. Стали появляться даже некие кружки по обсуждения вопросов, поднятых в этих книгах. Встречи с заинтересованными читателями убедили автора, что высказанные им идеи о России как о самостоятельной и оригинальной цивилизации, о смыслах, какие она генерирует в своей истории (от которых нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах), о нашем православии, которое гораздо глубже укоренено в наших взглядах на мир, чем это кажется вначале, о нашей русской картине действительности, которая настолько уникальна и не похожа на своих «сестриц» по человечеству, что у других народов слепит глаза от ее яркости и своеобразия, о нашем неповторимом русском языке, без которого мы никогда не были бы тем великим народом, каким мы являемся сегодня, – важны и существенны для каждого думающего и любящего свою родину русского человека.

Все вышеизложенное (в кратком, конечно, виде) подтолкнуло автора к продолжению движения в данном направлении, что вылилось в появление главного раздела данной книги

«Историческая публицистика в контексте эпохи конца времен». В нем автор договаривает идеи, какие не удалось высказать ранее, тем более, что они взяты в контексте самых острых исторических событий, обозначенных рубежом конца февраля 2022 года. Все, что автор думает о глубинном смысле происходящих процессов не только в России, не только на Украине, но и в Европе, в США, да и во всем мире, он высказывает безо всяких обиняков, безо всяких скидок на господствующие мнения экспертов или того пуще – официальных лиц.

Думается, что некоторые привилегии такого подхода у автора есть, так как многолетнее изучение истории России, исследование ее культуры, изучение содержания и форм новаторской русской цивилизации в общечеловеческом масштабе, позволяют ему делать суждения, какие опираются на закономерности не только текущего десятилетия, или последних нескольких веков жизни России после Петра Великого, но на весь пласт формирования русского этноса в антропологическом и культурном отношении на протяжении всей его, этноса, истории. А это замах, не больше и не меньше, на целую тысячу лет. Причем, как ему, автору, теперь кажется, что *антропологический* аспект становится все более существенным для анализа тех тенденций развития России, о которых необходимо думать в первую очередь.

Второй раздел книги как раз и представит самые последние наблюдения автора на этот счет в академическом как бы ключе. Здесь на первое место выйдут вопросы, какие решать наиболее *приятно*, так как сама природа русского человека, своеобразие его психологии, вся совокупность ментальных особенностей и ментальной *устойчивости*, религиозные убеждения, сформированная картина мира с опорой на набор традиционных, то есть имеющих глубинные корни, ценностей, находили самое прямое выражение в теле русской культуры, в литературе прежде всего. А это «материя», какая знакома автору наиболее плотно и хорошо, поэтому немалое количество примеров будет приведено им из сферы культуры. Будут там для особо въедливых читателей и непосредственно философские сюжеты, в которых автор позволил себе обновить некоторые теоретические представления о природе идеального отражения реально-сти человеком, появления эстетической функции в нем.

Третья часть работы включает в себя воспоминания, рецензии, интервью. Так или иначе, но все они также встроены в основной сюжет книги, так как разговор об Андрее Битове, Светлане Семеновой, Георгии Гачеве, Петре Палиевском, с которыми был знаком и близко общался автор данной книги, есть часть общих размышлений о России, русской культуре самого высокого интеллектуального и художественного уровня.

Интервью, какие опубликованы в заключительной части работы, дают представления об эволюции взглядов автора, о расширении методов и характера его подходов к исследованию *русского начала* в мировой цивилизации – от анализа отдельных художественных миров (Пушкин, Толстой, Достоевский, Шолохов) до общецивилизационных аспектов русской культуры. Интервью также в концентрированном виде передают содержание основных идей и концепций, выраженных в книгах автора, одновременно воссоздавая и конкретные обстоятельства их написания.

В конце вступления автору хочется сослаться на одно обстоятельство, которое прямо происходит из всего его предыдущего творчества – нигде и никак не лгать, *не кривить* душой. Все, что высказано в этой книге, является искренними и выношенными суждениями самого автора. Так что ответственность – и нравственная, и историческая, и культурологическая лежит только на нем, и он готов держать за все написанное им, ответ.

* * *

И несколько технических замечаний. В ряде мест книги автор, в зависимости от содержания и стилистики изложения материала, меняет субъектность своего нарратива – то он вещает от себя лично (Я), то ведет повествование от третьего лица (автор и пр.); иногда прорывается и

некая обезличенная интонация – «мы», когда необходимо подчеркнуть расширительный контекст содержания проблем и поднятых тем. Все это усиливает тот или иной эмоциональный фон, привносит некое дополнительное своеобразие в текст книги.

Наконец, исходя из публицистичности первого раздела книги, автор не посчитал нужным при цитировании тех или иных важных для него соображений других исследователей давать точную ссылку на книгу, статью и другой материал, откуда это было взято. Но автор уверяет, что ссылки приведены абсолютно точно, и никаких искажений в цитатах нет. В «академическом» же разделе книги ссылки даны традиционно – с указанием источников, издательства и времени выхода в свет.

Раздел первый

Историческая публицистика эпохи конца времен

Неотступность воспоминаний о России, которую потеряли

Это начальная точка размышлений многих русских людей, которые задумываются о России как о том удивительном и уникальном историческом и культурном явлении, какое обнаружилось в мировом человечестве в виде совершенно особого образования, до сих пор не уложившегося в *идеальном* сознании всего мира. И те события сегодняшнего дня, о которых придется вести речь в этой книге, только подтверждают эту особость России, с которой нам, ее сыновьям и дочерям приходится жить как с некой неизбежностью и одновременно тяжелой ношей. Нам всегда Запад, особенно он, говорил, что мы, то есть Россия в целом, и мы русские люди, ее представляющие, какие-то *не такие*, «неправильные», не похожие на них. Этот бытовой уровень нашего отторжения накладывался на более серьезные вещи, связанные с историческими событиями, в каких Россия принимала участие. И здесь она выступала особым субъектом, ни к кому особенно не прилаживаясь, ни с кем особенно не сотрудничая, но оставаясь самой собой.

Грубое сравнение, но оно приходит в голову именно нашим оппонентам, как это становится понятно из общения русских людей с западными на протяжении последних не лет, но столетий – мы для них, «*как кость в горле*», как то, что мешает им спокойно жить и развиваться. Западу все время кажется, что если бы не было России, то дела на европейском континенте в геополитическом смысле давно бы шли, как надо. Станным образом это желание объединяет Карла XII и Наполеона, Гитлера и всякого рода русофобов всех мастей в послевоенной Европе. Мы им мешаем жить так, как им хочется.

И становится понятно, что за всей этой внешней словесной атрибутикой произнесения слов неприятия, а подчас и ненависти, кроются вовсе не бытовые причины, образ русской жизни, наши привычки, наша культура и язык, а что-то более значительное и серьезное – то, что затрагивает самые глубинные основания взаимоотношений народов и цивилизаций. Конечно, исторически Россия, вплоть до плотницкой работы Петра I, прорубившего окно в Европу, относилась к своим западным соседям с большим недоверием и подозрением. И причины этим чувствам совершенно понятны: они носили религиозно-онтологический характер, в первую очередь, а во вторую, Россия постоянно была предметом желаний, территориальных и политических, со стороны Европы. Вся смута на Руси XVII века была инспирирована Европой во главе с Польшей и Литвой по присоединению нашей страны как бы к *истинной* культуре, по уничтожению православия и всего, что связано с русским началом.

Можно сказать, что *цивилизаторский* как бы импульс со стороны Европы был очевиден, но из этой очевидности выплывает самое главное обстоятельство – к нам уже тогда относились как к варварам, которых необходимо цивилизовать или – что рациональнее – покорить, а при сопротивлении – уничтожить. Вот что было главным модусом одного из первых движений Европы в сторону России. И поначалу казалось, что сама операция пошла и развивается успешно – польский король на русском троне, присяга на верность русского дворянства и прочие планируемые новации в европейском духе, включая отказ от православия и подчинение папе Римскому, но все *обломилось* в один момент. Когда русский народ сам по себе поднялся на защиту своего *отечества*, представление о котором внутри русского человека уже было сформировано и присутствовало как важная часть его ментальности.

Вот эта духовная, православно-государственническая Россия никак не была учтена польско-литовскими захватчиками, и они были снесены подобно тому, как во время бури морская волна, особо сильная, набегает на берег и уносит с собой весь мусор, накопившийся до очистительного шторма. Так произошло тогда, так происходило и в дальнейшем. Происходило со шведами, турками, французами, немцами и другими народами, какие осмеливались затрагивать самое ядро духовности и ментальности русского человека, каковые, ментальность и духовность, сформировались в окончательном виде на рубеже XV и XVI веков. Они стали ведущими началами и государственно-строительных усилий, и культурных достижений, и *уплотнения* в конечном виде того психотипа русского человека, какой является, на наш взгляд, одним из результатов работы всей всемирной истории.

Хотя сама всемирная история – заметим мимоходом – если трактовать ее в духе Гегеля, сама никак не могла понять, каким образом европоцентричность ее самой (а далее и *западоцентричность*), сменилась вот этим *раздвижением* истории далеко на Восток Европы, где поднявшаяся и утвердившая себя новая – то ли европейская, то ли азиатская, Россия стала менять ландшафт не только политической, но и культурной и психологической жизни громадного континента. Континента, который привык считать себя центром мира, носителем основных интеллектуальных, религиозных, моральных и всяких иных ценностей, какие, правда, как правило, были совершенно неприемлемы для тех народов, каких *мечем и огнем* покоряла «великодушная и гуманистическая» Европа на разных материках и в разных углах человечества.

По большому счету весь *запал* западного мессианства угас именно на России, и с нее началось антиколониальное движение во всем мире, крах разнообразных империй, появление новых точек отсчета в нравственном отношении, в художественном плане, а также в антропологическом, так как «проекту человека» Запада был противопоставлен другой проект человека со стороны России.

Что это так – свидетельствует Отечественная война 1941–1945 годов, когда в Сталинграде победил именно он, этот новый, именно что с всемирной точки зрения, русский человек (я включаю, конечно, в это понятие, этот этнический субстрат всю совокупность народностей и национальностей, составляющих «большую Россию»). Именно такого рода духовные начала являются определяющими в любом военном столкновении вплоть до сегодняшнего дня.

Возвращаясь к заявленному названию главы тут можно порефлексировать на предмет того, что для разных русских людей существует свой образ и идеал России, о каком они тоскуют. Для одних, и их сейчас явное меньшинство, это та самая дореволюционная императорская Россия, какая была величественным образованием совершенно неподражаемого вида и толка, и если бы не большевистский переворот, то сегодня на земле был бы единственный гегемон – Россия, и он, конечно, вел бы себя не так, как США. Я писал в своих книгах, что в этом случае Европа и мир избежали бы мировых войн, так как доминирование России строилось на принципах, о которых грезил и писал Достоевский – на идеале жизни Христа, на общечеловеческих моральных ценностях.

Для других – и их явное большинство – Россия, которую *страшно* жалко, это советская империя, какая представляет из себя странный утопический проект, в котором было намешано всего понемногу – и христианской моралистики, и социального равенства, и национального возрождения народов в культурном смысле. Много было хорошего и фантастического в этом проекте, единственно, *он*, опять-таки, разбился от столкновения с антропологическими проблемами развития общества (уже советского). И если ей, этой новой русской империи, удалось создать самое образованное и культурное сообщество людей в истории человечества, и породить новый класс людей – советскую интеллигенцию, причем он был массовым в количественном отношении, то советская антропология, развитие человека сломались на правящей элите, на бюрократии, на вырождении правящего класса партийцев и управленцев.

Эти вариации на тему, какую из исторических форм России нам *жалъче* других, можно бесконечно продолжать, и даже в данной книге автор несколько раз будет к ним подходить, желая определить, каким образом и как именно возникает настоящая преемственность между различными этапами развития русского государства. Сразу отмечу, а для более внимательного читателя отправлю его к соответствующим главам книги «Запад и Россия», что я придерживаюсь представления о том, что никакого разрыва по основным линиям развития в России не происходило. Никуда не ушло из России православие, и сегодняшнее его развитие говорит об этом больше, чем что-либо еще, несмотря на активную атеистическую пропаганду в СССР. Не пропал русский коллективизм, предпочтение общих парадигм существования перед индивидуалистическими, не исчезла русская духовность, несмотря на то, что современные формы жизни активно вымывают из практики ежедневного существования все, что напоминает об идеале, мечтаниях, стремлении к лучшей внутренней экзистенции, поиске правды.

А как может быть иначе, если *пока* русский язык – и соответственно русская культура в ее еще неубитых воплощениях – содержит в себе все эти начала, на которые было указано выше. Говорящий и думающий на русском языке, даже не читавший ни Пушкина, ни Достоевского, ни Чехова продолжает жить в кругу понятий, какие несет в себе русский язык. И всякий русский человек, употребляющий, произносящий слова – *душа, тоска, правда, истина, любовь, надежда, воля, совесть, честь, грех, вина, судьба, рок, жизнь, смерть, мир и Мир, грусть, веселье, терпение, дума, святость*, неизбежно попадает в круг понятий и «жизне-мыслей», какие формируют особую и неповторимую «русскую картину мира» и заставляют относиться к жизни совсем по-иному, чем это происходит в другой культуре. Автор много занимался данной проблемой, и сегодня он ответственно может заявить, что человек, говорящий на русском языке, больше склонен к духовному поиску, к размышлениям внутри самого себя, он, так или иначе, повернут к общим вопросам идеальной, лучшей жизни, которую необходимо устроить для всех людей.

Поэтому-то так была страшна реальность новой жизни, какая подступила к большинству из них после разрушения Советского Союза и уничтожения привычного для них образа жизни, с набором всех тех ценностей и нравственных привычек, о которых шла речь выше.

Эти воспоминания автора о личных переживаниях, какие прорываются в данном повествовании, нужны для того, чтобы прояснить весь контекст развития ситуации в *новом*, капиталистическом обществе, какое заставляло индивида действовать совершенно по иным правилам, к каким он привык ранее и каких он до этого всю жизнь придерживался. Это была общая проблема для общества перенастраиваемой ментальности, сопротивления устоявшимся опытом и нравственными категориями, определившимися в «дореволюционное» время, новым требованиям в социальном поведении – безжалостным, предельно индивидуалистическим, заставляющим думать прежде всего о себе и в самой малой степени обращать внимание на других людей.

Однако порыв русских людей к преобразованию жизни был так велик, а его мечты так сильны, что предложенный сырой и совершенно непродуманный проект реформ Горбачева, подпитанный разрушительными идеями извне, советский народ воспринял как возможность нового витка своего исторического развития, как исторический и грандиозный вызов. Русский человек не предполагал и не размышлял о негативных сторонах нового образа жизни – и другие суждения казались ему отрывкой советской пропаганды. Ему казалось, что социальная реальность, в какую ему предлагалось вернуться – капитализм в его четвертом технологическом укладе, с достатком в материальном смысле, с известными демократическими свободами – это то, что надо его душе.

Вся правда эксплуататорского капиталистического социума, какая иронически воспринималась большинством граждан бывшего СССР как клише своей неумной власти, оказалась горькой правдой. Да и автор книги может признаться, что он не избежал этой участи, хотя ему довелось посетить в 80-е годы ряд стран Западной Европы. Любопытно, что при чтении, пусть

и отрывочном, классиков марксизма, ему нравились ранние работы, с философским подтекстом, молодого Карла Маркса, где он с силой Сократа громил пороки и недостатки капитализма с общечеловеческой точки зрения. Но компрометация марксизма убогими ревнителями социалистической модели жизнеустройства была так велика, что, казалось, и ранний Маркс несколько преувеличивает пороки буржуазного общества.

Но правда капитализма как такового предстала перед всем советским народом во всей своей обнаженности социальной истины после переворота 1991 года. Той истины, против какой, оказывается, никак не попрешь, потому что она требует от тебя не совестливости, нравственности, чувства локтя, любви к ближнему, заботы об окружающем мире, защита его, а напротив – с усиленным контрастом – требует твоего почти животного инстинкта выживания и индивидуализма, невнимания к другим людям, так как они выступают для *тебя*, прежде всего, источником получения прибыли (денег), и оказывается, что чем беспощаднее, не обращая никакого внимания на их нужды и требования, ты себя ведешь, тем большее количество денег к тебе поступает. Да-да, та самая доля прибыли, уже и не помню, какой именно процент Маркс указывал, то ли 200, то ли 300, ради которого готов удавиться субъект этого общества, преступая всяческие законы.

Беспощадность этого мироустройства заставляла совсем по-иному взглянуть на утопические построения социалистов и на ту практику построения социализма в своей *утопической* стране, в которой ты прожил большую и – скорее всего – лучшую часть своей жизни. Она-то никак не требовала от тебя удушения своих конкурентов в науке, на производстве, в быту, чтобы достичь успехов. Понятное дело, что всего этого хватало в реальной жизни советского общества, но в массе своей оно отставало идеальное, возвышенное (повторю еще раз, пусть даже и искаженное в текущей действительности бездарным коммунистическим руководством, развращенной и необразованной элитой) отношение к жизни. И вдруг, в мановение руки выяснилось, что всего этого и отдаленно не предполагается в обществе победившего капитализма в России.

Я говорю сейчас, специально упрощая ход своих размышлений, о той ментальной катастрофе, которую пережило абсолютное большинство граждан громадной страны, причем независимо от национальности, вероисповедания и профессиональных занятий. Все проснулось, как в сказке, в другой стране. В общем, все соответствовало скрытым мечтаниям русского человека, когда в одночасье происходит преобразование жизни, само по себе, по мановению волшебной палочки, и никаких усилий к этому не надо прикладывать. Но все оказалось жестче и беспощаднее. Народу даже не был предложен никакой переходный адаптационный период, он был кинут в безумное море нового общества без компаса, без спасательных кругов, без ясно видимого берега.

Можно добавлять и добавлять эмоций в описании того страшного периода в жизни большинства людей, но одно ощущение не покидает автора и сейчас – именно тогда казалось, что мы можем потерять не какую-то часть России, ту, которая нам нравится больше – императорскую, советскую, но потерять всю Россию и окончательно. Как ни странно, но это ощущение все чаще посещает автора и сегодня, поскольку тот поворот в истории, какой совершается Россией сегодня, носит неповторимо экзистенциальный характер. Но об этом поговорим несколько ниже.

Заметим тут же, что капитализм так и не победил в России окончательно и то, что мы наблюдаем сейчас, это попытка, как это ни звучит странно, реставрации прежних принципов существования мировой, западной в первую очередь, цивилизации. Тех принципов, какие виделись и видятся нам истинной формой осуществившегося гуманизма западного типа общества, более-менее справедливой конкуренции, известного расцвета искусств и науки (это Запад периода Возрождения и Просвещения), что казалось нам, советским людям, «издалека» на самом деле откорректированным идеалом социальной организации людских сообществ.

Понятно, что и эта проекция была иллюзией, но все же она была напрочь лишена сегодняшних признаков постгуманизма, в ней не было торжества трансгендерности, сохранялась традиционная шкала моральных требований и т. д. Россия, развив в себе по сути «дикий» капитализм, сейчас желает вернуться хотя бы к тому, уже ушедшему типу индивидуалистического социума, «благородному» и более-менее справедливому буржуазному обществу.

Россия наткнулась, как «Титаник», не на предательство Запада, как нам подчас хочется думать, хотя и это частично было, не на грабительский и бандитский характер проведенной приватизации на своей территории, не на собственную тоску о непостроенном справедливом обществе – всего этого понемногу хватало и хватает в российской действительности и тогда, и сейчас, а на то, что создаваемая и пестуемая культурой, православной религией, русским словом, преломленным в великой литературе, русская ментальность так и не смогла согласиться с попаданием на пару веков назад, в период европейского капитализма со всеми его зверствами, жестокостями, унижением человека и его личности. Россиянин привык уже к другим принципам организации социальной жизни, к иным способам гуманизации окружающей его *антропной* среды, к идеальным проекциям по недостижимому, но прекрасному образу будущей жизни.

Каким образом могут успешно развиваться в России капиталистические реформы, если само понятие собственности, всегда исторически находившейся в России в оригинальном статусе, не было выработано в принципе? С одной стороны, эта собственность образовывалась через владение имуществом и людьми по особым правилам – через дарение земель и крестьян дворянству со стороны царя, какой и являлся полным *хозяином земли русской*, как абсолютно верно написал Николай II в своем переписном листе в начале XX века. С другой, владение землей крестьянами для использования в своих нуждах и для своего барина, носило общинный характер, то есть земля не принадлежала мужику *л и ч н о* и не переходила внутри семьи по наследству.

После реформ Александра II и при отмене крепостничества был использован половинчатый механизм, усложнявший формирование собственности как таковой в массовом масштабе. В процессах отчуждения земли у крестьян после снятия крепостной зависимости (ее надо было выкупать, что было затруднено для абсолютного большинства сельского населения) и невозможности в полной мере почувствовать всю прелесть и силу владения своим имуществом и землей, также не возникало устойчивого рефлекса собственности. Да, принадлежность дома, как правило, плохонького и скверно в бытовом смысле обустроенного, огорода при нем, но собственность в главном своем нерве – это понимание человеком самого себя субъектом жизни и появление ответственности за себя и свою жизнь в полном объеме. А это материя страшно далекая для русского мужика, не факт, что это чувство он приобрел за последние 30 лет существования новой России.

Как хорошо показано в книге А. де Токвиля о Великой Французской революции именно вопросы собственности и земельных отношений во многом регулировали процессы самой революции, а не только лежащие на поверхности вопросы снятия перегородок между сословиями, уменьшение роли и значения аристократии, а также монастырских земельных прав. Именно поэтому вопрос о земле и явился главным вопросом русской революции 1917 года, так как он так и не был окончательно решен в России, несмотря на все усилия Петра Столыпина.

Связи между русским человеком и собственностью были всегда весьма слабыми, плюс на это накладывались исторические катаклизмы, к которым также ментально привык русский человек, соглашаясь внутренне с тем, что какое-то время спустя обязательно придет басурманин на русскую землю и сожжет дома, угонит в плен немеренное количество народа и после придется опять сызнова все воссоздавать и строить, дожидаясь очередной опустошительной войны.

Понятно, что положение крестьян в Сибири, на Севере было другим, более крепким, оно-то как раз и позволило выстоять России в событиях Великой Отечественной войны, но в целом, так и не прилипло к русскому человеку чувство собственности, остервенелое желание ее защищать, оберегать всеми силами. Да что там говорить о собственной земле и избах, если и дом Бога, храмы с известным изуверством разрушались русским народом в эпоху революции и гражданской войны. И тут не надо грешить исключительно на троцкистов или комиссаров – с удовольствием творил эти безобразия русский народ, не очень и задумываясь, что несколько десятилетий спустя он будет отстраивать опять эти храмы и монастыри и миллионными очередями стоять на поклонение Поясу Богородицы или чудотворным иконам.

Здесь стоит мимоходом заметить, не останавливаясь специально на этом вопросе, что и по сей день отсутствие привязанности к собственности как таковой не вошло важным элементом в ментальную структуру россиянина, не заставило, тем самым, пробудиться в нем политическому инстинкту, не подталкивало его организовывать партии, какие-то социальные структуры, какие могли бы защищать его интересы в практическом отношении, оберегать его добро и собственность. Любая партия, сегодня создаваемая в России, будет разновидностью КПСС, также как и та, обещающая молочные реки и кисельные берега в несколько иной упаковке. Все они не учитывают того обстоятельства, что основной *составляющей* внутреннего мира русского человека является *вера*, причем она замешана на очень древних архетипах религиозного толка, так что всякая идея, которой увлекается русский индивид, приобретает схоластический мировоззренческий характер.

Вера в такой системе ценностей обязательно опирается на древние, нерасчлененные ментальные комплексы, в самой малой степени рационализированные, представлений о мире, где не знание, не практический опыт, но психологическая убежденность становится ведущим началом. Автор неоднократно в своих работах анализировал эти особенности мирозерцания русских, какие совершенно не похожи на западные примеры и образцы. Исходящий же из веры импульс целеполагания в жизни порождает совершенно определенный дискурс, то есть способ такого говорения и объяснения мира, который больше убеждает, чем доказывает, внушает, чем рационально растолковывает. Причем эти процессы могут происходить даже и тогда, когда внешне кажется, что русский персонаж изо всех сил стремится к логике, поискам причинно-следственной связи, но по существу он ищет те опорные точки в своем восприятии действительности, какие будут отвечать данным, глубоко запрятанным формулам интерпретации реальности, какие в самом общем виде описаны чуть выше.

Смысл и формы жизни русского человека в истории

Русского человека трудно убедить логически, с развернутыми аргументами, ему можно что-то внушить, на него можно эмоционально и психологически воздействовать, тем более, что его ментальная память, культурный опыт, сам язык будут исподволь подсказывать ему то же самое – «не верь словам, а верь своим чувствам». Поэтому он трудно поддается аргументам, о каких ему будут кричать с трибун на митингах или тихо нашептывать с экранов телевизора. Русский человек всегда ждет появления того или иного пророка или чудотворца, поэтому и возникают на его пути всякого рода шаржированные исторические фигуры, вроде Распутина, Троцкого, Ельцина или же другой их воплощенности в виде Кашпировского, Чумака и огромного числа промышляющих на окраинах России мелкотравчатых целителей, ведьм, гадалок, кликуш и просто сумасшедших.

Забавно, что всякому из них есть своя как бы политически и общественно подкрепленная версия в виде того или иного политика, рассекающего Москву на «Майбахе», политолога, историка, журналиста, телеведущего, какие, наморщив лоб, умными словами говорят о том же, о чем говорят все эти юродивые и безумствующие хитрецы – вот-вот станет жить лучше, сейчас настанет время попадания всех нас в царство свободы и независимости, главный наш враг – это басурманин, находящийся вот тут, за кустом, и исподволь проникший в нашу собственную среду и соблазняющий русский народ. Гадательная, экзальтированная, лишенная критического модуса атмосфера духовной (хотя это слово не отражает всей действительности России) жизни народа точно отвечает этим, так никуда и не пропавшим ожиданиям о мгновенном и счастливом спасении всех русских людей в самом ближайшем будущем.

Не в силу ежедневного, нудного, тяжелого труда жизни верит русский человек, но в то, что существуют такие таинственные слова, приемы, постигнув которые, можно стремительно и кардинально изменить свою жизнь.

Эта онтологическая мечтательность не так смешна, как она может показаться на первый взгляд в подобном ироническом изложении. Она обладает куда большей экзистенциальной силой, чем прописи, к примеру, протестантской этики. Она требует сразу всего человека, и это устраивает русского субъекта, именно в этом он внезапно открывает смысл не только своего отдельного существования, но и всех своих соплеменников, которых он воспринимает как членов одной большой семьи. При этом, как ни парадоксально, данный аспект и объясняет ту ожесточенность, с какой он начинает бороться с «отступниками», если русский человек убедится {*поверит*}, что они выламываются из правил общей жизни, нарушают некую правду существования, какую, скорее всего, никто, кроме батюшек с амвона, никогда внятно объяснить и не сможет.

Великий путаник этот русский человек, во многом он любит, когда его ведут в светлое будущее (любого «розлива»), и поэтому он так легко, жертвуя значительной частью своего народного целого, бежит вслед за предлагаемыми проекциями будущего существования, полагая, что Господь не допустит гибели России и «кривая вывезет». То же самое произошло и с предложенным людям вариантом *новой жизни* на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века, какой теперь обозначен в нашей истории, как *прыжок* государства и всего народа в капитализм в виде, якобы, свободного рынка, изобилия товаров и благополучного и с ы т о г о существования (а последнее для всякого русского очень важно).

Если бы не эта родовая черта русских (в широком смысле – российских людей, так как многие этносы России пропитаны этим духом известного мистицизма и покорности судьбе), если бы пробудилась в самосознании народа хоть какая-то толика здравого смысла, то Горбачев с командой всякого рода экспериментаторов на теле России, были бы сметены в мгновение ока, и свой суд вершила не трусливая горстка «гэкэчипистов», а беспощадная рука народных

мстителей в лице новоявленных Митек Коршуновых (Шолохов все же гениально воссоздал эту темную силу народного разгула в условиях гражданского слома и противостояния), которые никуда не делись из русской истории и для которых чужая жизнь даже не «полушка», а совсем незначительная ценность.

Русская история 90-х годов XX века, произошедшая реальная революция во всех областях и сферах существования огромного народа, сломавшая великое русское государство в его советско-имперском варианте, стала катастрофой куда более страшной, чем события того же XX века – 1917 и последующих годов. Эти годы стали – и по счастью не до конца удавшейся – попыткой переформатирования самой сути русского начала во всех его проявлениях – от *веры* до способов устройства общего существования, несмотря на противоречия этого *общего* с зверским индивидуализмом нового общества. Культура, отдельные социальные аспекты бытия, психология частного человека, система образования, взаимоотношения индивида и государства (ведь, как ни странно, императорская Россия и Советский Союз были похожи друг на друга тем, что они патерналистски относились ко всем своим гражданам и к отдельному человеческому существу) – всё оказалось разрушенным и растоптанным с каким-то остервенением, безо всякой надежды уже и на восстановление.

По существу жизнь каждого человека тогдашнего государства оказалась переформатированной, с одним, правда, отличием. Если для части СССР, для так называемых *окраин*, в первую очередь расположенных на западе страны, – Прибалтика, Украина, Белоруссия (частично это касалось и южных республик – Грузии и Армении) – открывались перспективы или возвращения к какой-то форме независимого государственного существования, как, к примеру, у Литвы, или же у грузинского и армянского этносов, какие могли припомнить свои исторические этапы самостоятельного существования, свое древнее христианство, то другие национальные образования, особенно в Средней Азии, остались наедине с историей, не очень хорошо понимая, что делать с полученной свободой.

Что ни говори, но государственное творчество требует серьезного культурного слоя, целых эпох формирования и кристаллизации отчетливо выраженных государственных инстинктов, воплощенных, прежде всего, в ведущем себя соответствующим образом человеке. И еще одно замечание – должен существовать богатый и развитый язык, воплощенный в ряд текстов, в которых отражено сложившееся национальное самосознание того или иного народа. Да и бывшая ранее борьба за собственную независимость или известную самостоятельность должна иметь свою, может, незначительную с точки зрения мировых процессов, но историю. Должны быть запечатлены в сознании и ментальности народа те или иные герои, цари, вожди, какие и воплотили тот или иной градус их национальной пассионарности.

Без такого рода историко-культурной подоплеки становление жизнеспособного, имеющего перспективы развития государства – невозможно. Согласимся с тем, что Советский Союз великодушно предложил многим этносам, его населяющим, форму известной квазигосударственности, стараясь, так или иначе, развить ее до уровня отличия и специфики внутри этого громадного образования в виде советской империи. Для ряда этносов этот процесс шел с большим трудом и так не завершился, несмотря на значительные усилия советской власти в этом направлении, в силу чего так называемые *государственные* единицы (не будем их конкретно указывать, чтобы не получить упреки в этнической или расовой высокомерности, но понятно, что большая часть среднеазиатских республик, да и ряда других территорий, не обладала и тогда, к моменту распада СССР, да и сейчас, необходимым запасом культурных и политических потенций для конструирования своей государственности) – до сегодняшнего дня представляют из себя бесформенные и слабо соединенные пространства, какие формально принадлежат им по праву того обстоятельства, что их так им «нарезала» советская власть.

Эта процедура по установлению произвольных, во многом, границ между союзными республиками в СССР и оказалась самой главной ошибкой коммунистической верхушки в пер-

спективе событий начала 90-х годов. Не будем вспоминать ложную концепцию большевизма о «мировой революции», которая должна отменить все границы между государствами, тем более, что после 1922 года, времени учреждения СССР, уже к началу 30-х годов был очевиден отказ от прежней теории и определен курс на построение социализма в отдельно взятой стране. Но границы никто пересматривать не стал. Эта «нарезка», проведенная в основном формально, исходя из политических соображений, какие также оказались ложными и исторически неверными, привела в итоге к тем конфликтам, какие в изобилии сразу обнаружились на территории бывшего Советского Союза в преддверии его распада и продолжают быть детонатором столкновений самого разного рода и геополитического уровня сегодня.

Собственно, похожая история произошла на Ближнем Востоке, в Африке, в Азии, где уходящие из своих колоний страны, Англия и Франция, прежде всего, нарезали границы будущих государств таким образом, что они заранее были *беременны* столкновениями на этнической и религиозной почве. Другой вопрос, что англосаксы делали это продуманно, рассматривая свои политические, и не только, дивиденды и роль верховного судьи в отдаленной исторической перспективе, то в СССР это делалось больше по неграмотному и анархическому недомыслию, прикрытому всякого рода лозунгами о мировой пролетарской революции и освобождению всех трудящихся от мирового гнета. А по существу разницы в философском и историческом смысле между выпускниками Оксфорда и неграмотным воякой из Первой Конной армии Буденного, взявшегося управлять государством, не было никакой – все они были игрушками в руках мировой воли, использовавшей сих субъектов по своему предназначению, да так, что нам и до сих пор не понятно, почему это все случилось и как.

Разумеется, что высказанные чуть выше соображения имеют прямое отношение как раз к тому столкновению между Россией и Украиной, какое происходит на наших глазах и какое втянуло в себя, по сути, почти весь мир. Кого-то более активно, кого-то менее, но глобальным фактором мировой политики сейчас становится то, что мы сейчас наблюдаем на западных границах России – продолжающийся распад советской империи и столкновение между Россией и Западом на этой (восточно-украинской и западно-русской), так исторически и не определившейся территории. Об этом конфликте придется написать немало и скорее всего, ближе к завершению этого раздела книги (проведя дополнительный анализ), так как сегодняшнее состояние дел не дает и близкого понимания того, *как* разрешится, *чем* закончится это столкновение не только для Украины, а и для России, прежде всего, но и для Запада в целом.

Надо здесь заметить, что самым ущемленным государственным образованием распавшегося Советского Союза в территориальном смысле оказалась Россия. Именно она была ущемлена во всех своих прежних владениях, в своей субъектности в историческом смысле, поскольку она потеряла после переворота 1991 года свою мировую глобальную роль в мире и не могла регулировать содержание и формы своего распада. Однако, и это крайне парадоксально, что для нее, однако, никуда не пропала обязанность так или иначе, но поддерживать новые квазигосударства в их экономической деятельности, прежде всего, да и брать на себя другие обязательства по защите их слабого, но суверенитета. Это, конечно, привело к перенапряжению сил самой России. А если на данный, без сомнения, геополитический процесс, наложить функции России по переводу собственного общества в новый режим новой же социально-экономической модели, то мы видим почти неподъемную задачу существования России, которая встала перед нею в период слома прежнего государства.

Размышляя в этом месте, опять-таки частично забегаю вперед, о том, к чему может привести тотальное ослабление России, о котором уже и, не скрывая, мечтает Запад, то можно сказать одно – это будет общецивилизационная мировая катастрофа, почище всякой иной, виденной человечеством в своей истории. Западная цивилизация, привыкшая мыслить по аналогии, в параллели с тем, что уже *было*, воображает, что расчлененная, *осколочная* Россия будет конгломератом *спокойных* минигосударств, находящихся под протекторатом Запада (о, как зами-

рает сердце у поляков, какие так и мечтают получить право руководство этими осколками России от лица Запада!). Этот сценарий невозможен для России, об этом автор и рассуждал в своей книге «Запад и Россия». Страна, создавшая культуру мирового уровня, предложившая миру утопическую, но грандиозную идею построения справедливого общества на просторах СССР, победившая в борьбе со злом, в лице фашистской Германии, никогда и никуда не сможет уже деть свою историческую субъектность, которая влияет на весь миропорядок. Само столкновение с Украиной, а через нее почти со всем миром, западным, прежде всего, говорит именно об этом. Русская пружина исторической «самости» России сжалась до своего возможного предела, и сейчас она неумолимо распрямляется. И этот процесс уже и не зависит от самой России; начинает действовать логика неких всемирных исторических закономерностей, какие определяют и сам ход истории, и ее будущие итоги.

Потому-то Россия не страшится самых ужасных исторических последствий, так как в ее коде записана невозможность существования в ином, чем полная независимость и самостоятельность, состоянии, и даже возможность собственной гибели не может остановить ее развитие, и в катастрофическом направлении, может быть, ее теперешний «бег».

«Проклятие Петра»: почему Россия всегда лезет туда, где ее не ждут?

Конечно, прошло исторически совсем немного времени (с точки зрения «большой» истории), но вполне достаточно, чтобы Россия приняла свою новую систему координат. По существу, и даже не геополитически, хотя это будет иметь прямой выход на глобальные взаимоотношения с миром, но Россия обязана определиться с а) своей проекцией будущего («образом будущего») и б) обозначить и объяснить самой себе, чем была ее собственная история до перелома начала 90-х годов, включая советский опыт. Заметим в этом месте, что в первую очередь именно его, этот опыт, необходимо отрефлексировать. И, наконец, понять, что же произошло за последние 30 лет с Россией, какое историческое «зияние» ей пришлось преодолеть.

Россия в определенной степени в целом как некая глобальная национальная матрица несет на себе отражение специфических черт отдельного русского человека. Она в гораздо большей степени вертикально унифицирована ментально и культурно со своим народом, чем современное западное постиндустриальное и новое цифровое общество. Там разрыв между индивидом и социумом достиг своих предельных величин, и государство воспринимается всего лишь, как внешний регулятор отношений между субъектом и объектом, между человеком и социальной средой. Не то в России, в ней до сих пор государство чувствует себя ответственным за каждого отдельного человека, а индивид привычно считает, что это нормально, когда государство заботится о нем, и убежден, что в этом и заключается его главная функция.

Та самая русская архаика, о которой я, не уставая, пишу в своих книгах, является, как ни странно, тем самым спасительным кругом для самой России и ее людей, как и для других подобных обществ в мире (не отвлекаясь в данном месте в сторону, укажем только на два примера такого же типа государств современного человечества – Китай и Индию). В этой «архаичности» заключено их преимущество перед атомизированным и дисперсным западным типом общества, в которых внутренние связи практически отсутствуют на глубинном уровне. Они, эти связи, выхолены крайне отрывочным и несистемным образованием, деградировавшими эстетически и содержательно формами культуры, эти процессы усилены новой идеологией *относительности*, повальным атеизмом и отсутствием всяческой идеальности (в самом широком смысле слова, о чем, вероятно, скажу в другом месте).

Когда перед народами, у которых, кстати говоря, в силу иммиграционных причин (страны Запада сегодня), конечно, по-разному проходят вышеотмеченные процессы, но тенденции абсолютно схожи, встают экзистенциальные вопросы выживания, сохранения их как некой социальной и биологической массы, – то чуть ли не единственной материей, скрепляющей то или иное народонаселение, выступает та часть общества, которая изначально обозначается как маргинальная: носители националистических, расистских по существу взглядов, ксенофобов, антисемитов, и вот теперь, русофобов. Именно они сейчас и выступают в качестве *остаточного* «цемента» для западных культур и народов, и поэтому, инстинктивно, власти этих стран, понимая остроту проблем выживания государства в целом, в известной мере не слишком стараются элиминировать эти «инклюзивные» (и агрессивные) слои своих обществ.

Культурно и цивилизационно, это, разумеется, не выход. Крайности расистского и националистического толка рано или поздно приводят к широкому распространения насилия в самых разных формах по отношению уже не к «чужакам», а, в том числе, к собственному населению, какое недостаточно адекватно реагирует на лозунги нацизма или крайнего национализма. Культурологически – это также архаика, но проявленная сегодня несколько в окультуренном виде, с другой стороны, в той части сохранившейся общепсихологической платформы агрессивной природы человека, стремящегося оградить свою территорию, свое жилище, своих самок и детей от посягательства иных племен и соперников. Эта архаичность может сочетаться,

что особенно убийственно, с самыми высокими технологиями в виде биологического, генетического, психотропного и иных видов оружия для преследования своих целей разными группами людей. Это также тупик развития цивилизации, и Запад, как ни странно, опять возглавляет это движение.

Пройдя период интенсивной историко-культурной и – главное – психолого-идентификационной рефлексии по поводу своей прошлой истории, а также – и это очень существенно – в связи с последними тремя десятилетиями встраивания в общий, западно-ориентированный, мировой порядок, Россия может остановить свой цивилизационный распад, наблюдаемый нами сегодня. Он очевиден сегодня по той простой причине, что она пока включена в главный тренд развития мировой (западной) системы (цивилизации), в которой основными началами продолжают быть крайний индивидуализм, эгоизм человека, исчезновение милосердия, чувств справедливости, общего социального братства, моральных и духовных ценностей, как бы скептически к ним ни относясь в эпоху умершего, но продолжающего гнить, постмодернизма.

Поэтому-то и вспомнился великий Петр, который с остервенением и страстью прорубил «окно» в Европу, понимая, что для создания российской империи необходимы технологические достижения Запада, преодоление архаичности и неповоротливости древнерусского общества, смена культурных и социальных стереотипов, серьезная корректировка ментальности русского человека. Ему это удалось, его подвиг ни с чем не сравним в русской истории, но ему же пришлось уже первым в глобальном смысле отбивать *накат* Запада в лице шведов на расширяющуюся и укрепляющуюся Россию. Какие он делал выводы из этого, уже трудно однозначно ответить, но очевидно одно, что такое «сближение» с Европой, помимо грандиозного приза в виде учреждения русской империи, ее утверждения на севере и частично на юге европейского континента, стоило немало жизней русскому народу. Не случайно же Петр заслужил прозвище «Антихриста» в народной среде, да и то, если вспомнить, с каким остервенением лично Петр рубил головы восставшим стрельцам, своими руками казнив несколько десятков возмутителей спокойствия, да так, что топор затупился, то вопросов остается немало.

Так что ссылка на Петра носит больше риторический и эмоциональный характер. Его историческая экстенсивность в развитии России была жизненно необходима стране, но духовная сосредоточенность народа и страны на чем-то ином, чем географическое развитие государства, подчас выступает не менее важной задачей, чем приращение территориями и покоренными племенами. Но это не пример Петра. Пушкин гениально его охарактеризовал кратким выражением, сказав, что он «один есть целая всемирная история». (Пришло в голову, что самое оптимальное соединение *русского* и *западного* мы обнаруживаем в истории России, когда на ее престоле разместились немецкая принцесса, ставшая в итоге Екатериной Великой. То-то было удивительным гармоничное сочетание русской удали и бесшабашности с домовитостью и государственным умом немки на русском троне. Она была принята русскими людьми, она стала русской по духу, в отличие от другой немецкой принцессы, будущей жены Николая II, сыгравшей по-своему роковую роль в событиях русской истории начала XX века).

Когда, на ком закончилось это проникновение России в Европу, непонятно, но сегодня очевидно, что Россия нуждается в определенной автаркии, в замыкании в своих собственных границах, пользуясь этническими, природными, климатическими и всякими иными богатствами, какие ей даровало провидение. По существу, если вдуматься, то Россия представляет собой уникальный пример «*мира в мире*», она может совершенно естественно и свободно существовать внутри самой себя, не обращая внимания на все остальное человечество. Этот удивительный дар истории необходимо использовать в полной мере и перестать рваться сквозь закрытое окно, с чуть приоткрытой форточкой, на Запад, где Россию никто не ждет, а напротив, именно там стремятся, как можно сильнее ей навредить и ее унижить.

Для полноты воображаемой этой благостной картины было бы неплохо соорудить некий «олигархический пароход», особенно в столетнюю годовщину данного события по высылке

лучших умов России в 1922 году на «философском пароходе», и отправить на нем куда-нибудь на Запад тех самых отечественных нуворишей, какие не собственным умом и смекалкой заработали невиданные деньги, но *растилив* с согласия руководства тогдашнего государства общественную собственность, созданную трудом миллионов людей в пределах бывшего СССР.

Забытый пророк. Александр Герцен и исторические уроки поколения «восьмидесятников» XX века

Читая «Былое и думы» А. И. Герцена, поражаешься не только жизни этого человека незаурядного масштаба, одной из немногих фигур поистине европейского размаха, который единственно и мог связать еще в XIX веке разорванные отношения Запада и России, сократить разрыв между ними – как эмоциональный, так интеллектуальный. Но я сейчас хочу сказать о другом, о том, как замечательно точно и глубоко он описывал историю взаимоотношений России и Европы, удивительно точно воссоздавал историю поколений людей, какая в России была всегда крайне важна. Блистательное *пушкинское поколение* писателей и мыслителей, да и революционеров, если вспомнить о декабристах, *потерянное поколение* после Пушкина, к которому принадлежал и сам Герцен, удушенное в реальных тисках николаевской России. Это все его, герценовские, слова.

Тут, правда, справедливости ради стоит заметить, что крутой царь был не так уж плох для развития русской культуры и литературы в особенности; перечисление русских гениев, творивших при нем, может занять несколько абзацев текста. Да и во внешней политике все складывалось неплохо. И то сказать, что, помимо перманентных войн с Турцией, Россия не ввязывалась в николаевский период ни в какие большие войны в Европе и вообще неплохо управляла континентом, не допуская слишком больших потрясений общего масштаба. «Сломался» же царь на как бы «проходной» Крымской войне (1853–1856), умудрившись поссориться с Англией и Францией одновременно, какие радостно поддержали Турцию в ее конфликте с Россией. Правда, большой пользы для Европы из этого не вышло, усилиями русских дипломатов получилось так, что особых потерь русское государство не понесло, зато поражение в войне привело к *самоубийству* Николая I (уж очень много доказательств этому факту), воцарению Александра II и началу реформ в России, после которых она и начала свой «забег» в соревновании с мировыми державами, какой фактически и выигрывала к рубежу веков. Но это отдельная и весьма интересная тема, какая освещена более подробно в нашей работе о столкновении России и Запада.

И дальше в XX веке это разделение между поколениями приобрело какой-то особый трагический смысл и определенность чуть ли не математического правила. Безусловно, существовало поколение русских людей, какое прошло через исторические перипетии первой мировой войны, революции и гражданской войны (если перебросить мостик через столетие и посмотреть на то, какое поколение русских людей и как создавало новую реальность после крушения царской империи).

Это было поколение, которое, с одной стороны, вошло в новую социальную действительность, пересоздало страну, создав почти из ничего, из полной разрухи могущественную индустриальную державу, а с другой, это было то же самое поколение людей, прошедших через голод, коллективизацию и самоуничтожение в репрессиях предвоенных лет.

Наконец, это было все одно и то же великолепное военное поколение, которое в начале войны предстало перед всем миром и для собственного народа в виде жертвенного агнца, миллионами погибая на поле боя или попадая в плен и там уже умирая, а во второй половине освободительной войны предстало опять-таки перед всем миром как коллективные «300 спартанцев», всё сокрушая на своем пути и подарив России ее главную Победу. При этом уже было и не важно, что после этого само это поколение как бы и растворилось незаметным образом в теле своего народа, не получив от этой своей сокрушительной и цивилизационной победы над врагом никаких выгод и антропологических преимуществ. Впрочем, что можно об этом сказать, если поколение россиян, родившихся в 1922–1923 годах, погибло на 97 %. Это немыслимые потери, если представить всю эту воображаемую, теряющуюся в облаках у самого солнца

пирамиду, какую должны были создать эти погибшие на войне лучшие из людей из их неродившихся детей, внуков, правнуков...

Эта невесомая, но реально существующая пирамида метафизическим образом давит на всех нас, кому повезло родиться от выживших в той войне, и это зияние в памяти и ментальности нашего народа никоим образом не может быть погребено разного рода суждениями о миллионах тел, которыми, якобы, забросали врага, или же забыто национальной исторической памятью.

Боюсь также, что это военное, практически все целиком погибшее поколение настолько сильно повлияло на последующие события истории большой России, что мы даже и не предполагаем, как это аукается в современной нашей жизни. Может, это и был поворотный, трагический узел русской истории, который предопределяет ее финал и завершение во всемирном смысле. Не хотелось бы даже и думать об этом, но события, какие протекают на пространстве той самой необъятной и большой, как я написал выше, России, начавшиеся после 1985 года, говорят и свидетельствуют именно об этом. Что-то было сломано в таинственном механизме функционировании всего народного целого во время последней войны, да так, что это может обрушить всю нашу жизнь уже в веке двадцать первом.

* * *

После этого было знаменитое поколение «шестидесятников», давшее талантливых писателей, инженеров, конструкторов, физиков, математиков, врачей, ученых, артистов, музыкантов, вообще блистательных деятелей культуры. Это была эпоха известной свободы и понимания того, что жизнь не представляет из себя бесконечную борьбу, но в ней силен чисто человеческий элемент, связанный с частной жизнью, решением индивидуальных проблем. Это *приземление* России было чуть ли не единственным периодом в ее истории, когда народ не принуждался к историческим свершениям, сопровождающимися лишениями, тягостью быта и отказом от личного существования.

Герцен писал о своем поколении как исторически «потерянном»: мы были, писал он, «как мальчишки, которые бегут за проходящим через город полком, а полк уходит, и куда бежать и что делать дальше, не совсем понятно» (автор специально не заглядывает даже в свои предыдущие книги, где эта цитата из Герцена приведена точно, ему важно воспроизвести сам дух ее, какой живет в его памяти именно в таком виде), но для Герцена – и полк был, и было понятно, какие люди в нем служили, и что это они брали Париж и выходили на Сенатскую площадь, и было, в итоге, кому бежать за ними.

К какому поколению отношусь я сам, родившийся в 1950 году от человека, прошедшего всю войну, попавшему в те самые 3 %, о которых я написал выше? За каким полком мне предстояло «бежать», и бежал ли я со своими товарищами по поколению? Тяжелый вопрос. Он тем более тяжел, что накладывается на исторический разлом, какой пережила Россия в 90-е годы, какой весь пришелся на самые зрелые годы моего поколения. Такого разлома и отказа от всей прежней жизни не доводилось переживать ни Пушкину, ни Толстому, ни Достоевскому, ни Герцену. Весь трагизм раскола целостности и прерывания последовательности национальной истории пришелся именно на наше поколение, родившееся в первые послевоенные годы. Мы были в состоянии «акме», в расцвете своих сил, творческих замыслов, грандиозных планов, и все это было (почти все) решительным образом отброшено из жизни, как ненужное, лишнее. Нам предлагалось начать все с нуля, заново.

Трудно, собственно, подобрать слова, чтобы описать содержание жизни этого поколения. Я уже писал выше, что для значительной части людей моего поколения их существование превратилось раньше времени, для них оно стало «оборванным», «сокращенным» по часам жизни, у них неумолимая рука исторического фатума вырезала часть бытия, не слушая никаких воз-

ражений и не принимая во внимание никаких заслуг до этого прожитой жизни. Мы – «убитое» поколение, но нам никто не поставит никаких памятников, нас просто *перечеркнули*.

Сохранившаяся, другая часть нашего поколения должна была полностью измениться, причем самым трудным образом, как говорил Воланд, – «внутренне». Пришлось отказаться от всего, во что верилось, о чем мечталось, от всех продуманных планов в реализации жизни по лекалам предшествующих поколений. Эта «выжившая» часть поколения стала – «сломанной», «рахитичной», «травмированной» (можно множить эти эпитеты и никакой не будет в полной мере достаточен для ее характеристики или отражать все содержание того слома, какой пережил этот осколок поколения).

Исторически – оно стало даже не *потерянным* (не только для самого себя, но и для государства), но деморализованным и морально уничтоженным. То, как эта часть поколения, не умершая, но выжившая, правда, ненадолго (демографическая статистика здесь просто ужасающая), пыталась обнаружить в жизни новые ценности, хоть как-то похожие на важные идеалы для этих людей в их предыдущей жизни, но их не находила, – требует своего нового Достоевского. Ни Пелевин, ни Сорокин не смогли этого воссоздать в полной мере, видимо потому, что они сами относятся к более счастливому, «запоздавшему» поколению.

Мое поколение – это *фантом-поколение*, его как бы и нет на исторической карте России. И ни за каким полком мы не бежали, так как он давно прошел, – не скажу, что во времена Герцена, но точно во времена наших отцов, и бежать нам было некуда, не за кем и незачем. Единственно, что спасает выживших из этого поколения, так это постоянное возвращение к русской культуре, к нашему *Парфенону*, также почти разрушенному, но все еще возвышающемуся нашим гениальным литературным Акрополем, стоящим непоколебимой твердыней, и любой обломок, любой камень здесь дышит красотой и правдой. Можно хотя бы *присесть* на них и отдохнуть душой, прикоснуться к тому, что когда-то было сильным и твердым, величественным и прекрасным, да и нравственным уроком для других народов и стран.

И, конечно, пока еще спасает русский язык, на который со всех сторон ополчилась всякая языковая нечисть, ломая его и коверкая. Но он пока еще держится, и будет держаться, пока в библиотеках стоят на полках Пушкин и Чехов, Шолохов и Мандельштам, Толстой и Ахматова, а вокруг еще пока говорят по-русски.

Русский исход из цивилизации смыслов в онтологическую пустоту. Как «потерянное» поколение в России сменилось «проданным» от 80-х годов к 90-м прошлого века)

Бродский написал: «Я гражданин второсортной эпохи». И это было точным отображением его личной, и нас всех, ситуации времени «золотого застоя» эпохи Брежнева, о которой многие вспоминают с искренней ностальгией. Как читатель понял из вышеизложенного, автор относит себя и своих сверстников к так называемому «пропащему поколению». Тут важны стилистические и семантические нюансы – одно дело принадлежать к «потерянному» поколению, а другое – к «пропащему». Второе совсем не «комильфо».

Так вот, эпоха казалась поэту «второсортной», и такой была, безо всякого сомнения. Правда, для поэтов масштаба Бродского ничего не стоит бросаться эпохами и поколениями. Ведь написал же свою знаменитую строку Пастернак – «Сквозь форточку крикну детворе, какое, милые, у нас тысячелетие на дворе». Легко оперировать русским поэтическим гениям античностью и Возрождением, брать в современники Данта и Шекспира, запросто перемигиваться с Гете и Петраркой, но обыденность существования многих миллионов людей с большим трудом привлекает себе для сравнения отдаленные исторические эпохи, утешаясь сравнением, что, мол, бывало и хуже. «Потомство тискается к перилам» и обдает на ходу «черемуховым свежим мылом и пряниками на меду» (Пастернак) и что ему до культурного *маятника* поэта.

Что касается Бродского, то его последующая тоска по ушедшей империи носила, конечно, не социологический и не практический характер. Ему, как и его великим предшественникам, Мандельштаму, Пастернаку, Ахматовой всегда хотелось «попадания» в «большое время», они хотели пробиться к «большому читателю», который ими понимался ничуть не менее значительным, чем выходец из поколения людей пушкинской или толстовской эпохи. Гениальность русской поэзии и в целом русской литературы заключается в той принадлежности ко времени, которая явно больше индивидуальной судьбы самого поэта, больше его творчества. Поэт всегда нуждается в «эхе» исторического времени, в переключке между разными эпохами, в том числе и поколениями. Неизвестно, что конкретно представлялось Бродскому, когда он писал о «второсортной» эпохе, но в контексте других его стихов понятно, что ему было *тесно* в том времени, в каком он очутился. Это его самоощущение очень хорошо воссоздано в его диалогах с Соломоном Волковым.

Уйдем от поэтов, этих небожителей, к простым гражданам Советского Союза эпохи застоя. Трудно вообразить, что они постоянно переживали «закрытость», замкнутость эпохи, к которой принадлежали. Общая канва их существования носила более-менее внятный и объяснимый характер с человеческой точки зрения характер. И тогдашняя ухмылка над массовой застройкой спальных районов в СССР, над которой потешался всякий советский человек, хоть раз побывавший или в Петербурге (Ленинграде), или Зарядье Москвы, быстро превратилось в иное выражение лица, когда после или во время перестройки ему удалось выехать в какую-нибудь нормальную европейскую страну и увидеть в пригородах Парижа или Рима нескончаемые вереницы домов, прямо перенесенных из какого-нибудь Медведково или Строгино.

Думается и наш великий поэт был немало удручен (да и говорил об этом в своих интервью) этой близостью эпох потребления, что на Западе, что в СССР, и иллюзии пропадали на этой общей площадке запросто. Но вот наличие Ростроповича, Рихтера, Ойстраха, русского балета, театра «Современник», Малого театра, русских художников-авангардистов и много чего еще – делало как бы провинциальный Советский Союз мировой державой в полном смысле слова, причем по первому разряду, безо всяких послаблений.

Невозможно было спастись бегством или эмиграцией; те корни культуры, какие идут от Бродского в глубину через Серебряный век, через классику девятнадцатого века чуть ли не в допетровскую эпоху, нельзя было воссоздать административными или политико-демагогическими усилиями. Вот это и есть то самое скептическое отношение русского человека к загранице вообще, так как он изначально знает, что жизнь не перешибить палкой, она тебе не обух, которого также палкой не возьмешь, а суть ее кроется в других вещах, какие живут и постоянно *копошатся* внутри твоей совести, ума, в твоих поисках вечности и прикосновения к Божеству.

Какая ни была для протопopa Аввакума его эпоха «второсортной» и тяжелой до непереносимости, то есть искаженной настолько, что необходимо было менять символ веры, казалось бы, в таких *мелочах*, вроде *троеперстия* вместо *двоеперстия*, но для него и его последователей это меняло всю картину мира, Вселенная становилась другой, и Бог становился недостижимым. За все это приходилось платить жизнью, но через духовное усилие, подобное аввакумовскому, входить в культурный код своего народа.

Так что «второсортность» эпохи Бродского была нормой и известного рода вершиной благополучного существования для миллионов его сограждан. И вот их, еще полных сил, настигла вовсе не второсортная эпоха, но самая продвинутая и крутая – развитого капитализма. И что? Меняем, не глядя?

Но стоило ли менять эту «второсортность» на как бы мощное дыхание мировой истории, какое начало шелестеть соблазнительными речами о светлом будущем и разоблачительными спичами о прошлой, никуда не годной жизни над нашей головой уже во второй половине 80-х годов? Вот она, начинается *первосортная* эпоха мировых потрясений, после которых Россия поднимется обновленной и более сильной, отряхнувшей пыль догматизма и отсутствия личных свобод со своего «тела». И что же? Чем кончился этот переход от «второсортности» к безусловной «первосортности», какую тут же подтверждали лучшие западные умы и призывно махали руками, завлекая нас на материк, на котором расположились истинно свободные, материально обеспеченные и потому *счастливые*, западные народы и государства.

«Придите к нам», обращались они к нам, чуть ли не пуская гуманистическую слезу, пытаясь помочь советско-русскому человеку в преодолении проклятого сталинского тоталитарного наследия, чтобы окончательно освободить столь замечательный (о, да, мы читали и Достоевского, и Чехова!) русский народ. Правда, все это напоминало легко узнаваемую игру наперсточников – западные народы (их элиты) привлекало бесконтрольное расхищение громадных богатств Советского Союза, уничтожение военного потенциала России и прочие конкретные вещи, что мы в целом воспринимали как необходимую жертву в процессе приближения к царству свободы и счастливой жизни, какая, казалась, воплощена в коллективном Западе во главе с США.

Жертвы все множились, лишения все увеличивались, а никакого включения в состав жителей «земли обетованной» не происходило. И все очевиднее с каждым годом становилась понятной простая истина, что Россию там, на этой земле, никто и не ждал. Это было величайшее историческое «кидалово», какое Запад устроил по отношению к своему перманентному врагу, точно зная, что только его тотальное разрушение может обезопасить его на какое-то время, пока поднимается на востоке новый гигант – Китай.

Да и Бог с ним, с Западом. Но вот вопрос, как же, великая своей духовностью и соответственно пронизательностью, Россия могла повестись на такого рода *заманило вки* и морковки, подвешенные столь высоко на удочке, что дотянуться до них не было никакой возможности? Понятно, что в России всегда была сильна прослойка людей, изначально ориентированных на Запад, ментально воспринимающих его как новый Иерусалим, землю обетованную и счастливый громадный ковчег для всех, кто пожелал спастись. Но, как правило, количество таких людей было невелико, и они никогда не думали о народе в целом. Да и сам русский народ был для них серьезной помехой в их планах и перспективах развития. Причем, это была интенция,

отнодь не связанная с событиями 90-х и 2000-х годов, то же самое было на всех этапах развития России. Замечательно, и я даже писал об этом в своих книгах, что именно они, западники, всегда – от императорской России до СССР были той материей, которая всегда была интегрирована в аппарат управления, их представители всегда занимали высшие посты в русском государстве, в то время, как любое патриотическое движение *всегда*, подчеркнем это слово особо, рассматривалась как по-настоящему враждебное российской власти.

Это касалось и русских славянофилов в XIX веке, и патриотов-почвенников в XX столетии, все едино, именно в них российская власть видела главную опасность для себя. Это и понятно. Западничество как таковое никогда не касается ключевых, онтологических причин проблем развития российского государства. Оно, устремленное на достижение практических, материальных целей и прежде всего для самого себя и своего круга людей, не интересовалось духовными запросами народа, перспективными целями русской цивилизации, мировой исторической ролью России. Им все это было «до барабана». Другое дело – истинные патриоты, каким не нужны *пряники* в виде каких-то преференций карьерного роста или получения прямых денежных дивидендов, они всегда думали о другом – о цели существования России как некой целостности, о том, *как и чем* должен жить русский человек, о вере, о Христе, о спасении человечества, о покорении космоса. Эта ментальная черта, характерная для россиянина, и порождает святых и героев на бранном поприще, подвижников и альтруистов. Можно образно заметить, что в каждом из русских людей присутствует частица огненного пророка Аввакума, когда в невозможных условиях существования, в земляной яме, не просто можно оставаться преданным своей вере, но жить интенсивной духовной жизнью, писать о самом главном в жизни – о Христе, русском языке, о том, что держит человека на поверхности жизни.

О чем только не думает русский человек, когда ему дают спокойно существовать и не требуют его к исполнению каких-то особых обязанностей, не идущих против совести, простых нравственных правил. Но именно этот закон был нарушен в приснопамятные 90-е годы для многих русских людей, и травма подобного *проступания* исконных законов жизни до сих пор догоняет нас в своих усилиях выстроить новые закономерности существования действительно новой России.

Понятное дело, что ни царская Россия, ни современная власть в РФ, не *замораживается* такого рода «абстрактными» (для них) вопросами, их больше волнует базовая ставка по американским государственным облигациям, индекс нью-йоркской биржи, возможность прицепиться к сырьевым потокам, какие Россия, начиная с XVI века, слегка меняя содержание, все продолжает направлять на Запад.

Трудно подумать, а еще труднее написать, что поколение людей в России, кому выпало жить на рубеже веков, стало прямой разменной монетой в отношениях между старым капитализмом на Западе, полным (тогда) благообразия, либерально-культурных оговорок и лицемерного прикрытия заботы о наживе разговорами о нравственности, спасении природы и Боге, и новом, российским, бесшабашном, дурном, криминальном начале, не ставящим никакой человеческой личности и жизни ни в какие расклады при получении прибыли и денег. Все отвратительное и мерзостное вышло в России в этом времени на первый план, все было возможно в этом создаваемом новом капитализме при наличии спутников, компьютеров и понимания того, что жизнь человечества висит на волоске.

То поколение, которое пришло за нами, было продано в прямом смысле слова – государство полностью от него отказалось и оно выживало, как умело и могло. Но большинство из него не выжило, они умерли физически, или духовно, уйдя в бандитизм, в рекетирство, во все те формы жизни, какие в России всегда были невозможны по *христовому закону* и по народным правилам. Вся Россия превратилась в тот самый «Мертвый дом», о котором писал великий Достоевский, когда в обществе все делятся на три части людей – *сидящих* и их *охраняющих*, а

также остальных, удивительных мерзавцах, зарабатывающих деньги на бедных стариках и на самых ущемленных людях.

Мало нам было Достоевского с его Родионом Раскольниковым, и покаянием за убийство, в новой России то же самое убийство чуть ли не превратилось в обыденный атрибут социальной жизни.

Автор прекрасно понимает, что его эмоции мало что проясняют в закономерностях освоения пространства России капиталистическим способом ведения хозяйства в его наиболее чудовищном, античеловеческом варианте. Но выяснилось, что русский человек и с этим справился, смог приспособиться, ни шатко, ни валко, ко всей этой круговерти меняющихся правил, законов, появления новых криминальных авторитетов на месте убитых старых, превращение рядовых чиновников и второразрядных научных сотрудников в олигархов, входящих в списки самых богатых людей мира. Русский человек махнул на все это рукой и продолжает жить своей жизнью, не обращая на эти эскапады власти и новых собственников своего внимания, не задаваясь вопросами об истине, о справедливости властей и государства. Что же, в очередной раз *приплыло* русскому мужику, и особенно святым русским женщинам, нести на себе основную заботу по поддержанию нормальной жизни в стране и спасению отечества в своих каждодневных заботах о семье и доме, работая за сущие копейки, продолжая проживать в домах, построенных еще их дедами и отцами.

Но убить, сломать их не получилось – ни внешним недругам, ни вороватому начальству, которое издревле воспринимается русским человеком, как необходимая часть жизни. Посему и назвать их «проданными», как заострил ситуацию автор данной книги, отказавшимися от своей жизненной доли и предназначения, никак не получится, несмотря на то, что для власти и «новых» как бы буржуа они и есть основной товар.

Во-первых, потому, что именно результатами их прежних трудов пользуются неизвестно кто и неизвестно как получивших на это право, – на нефтяные залежи, разведанные этими обыкновенными людьми, на заводы, построенные их руками, вообще, на все, что было создано миллионами и миллионами простых граждан прежней страны. А во-вторых, что и в новой реальности их продолжают нещадно эксплуатировать, платя сущие копейки или не платя вовсе, за их труд. (Особенно это было характерно для первого десятилетия существования новой России, далее стало несколько лучше, и хоть какой-то, но порядок появился). Они-то, эти люди, и есть главная суть России, на них она стоит, и сейчас в катаклизмах непонятных для этих людей столкновений со своими же братьями по крови, со своими ближайшими родственниками, они продолжают жертвенно исполнять свой долг и спасать отечество от всех краснобаев и христопродавцев. Господь им в помощь!

Была ли Россия едина внутри себя? И когда?

Все больше и больше размышляя над судьбами России, особенно напряженно над тем, что происходит в настоящий исторический момент, я прихожу к выводу, что дело не только в некоторых фундаментальных вещах, о чем написано чуть выше – в формах и содержании религиозных воззрений русских людей, в особенностях истории России, какая выработала именно тот человеческий материал, какой мы сейчас имеем. (Это звучит несколько цинично – *материал* в разговоре о русском народе, но попробуем несколько снизить градус своих размышлений, чтобы подойти к прозе социальных аспектов становления России). Загадки России кроются не только в нашей русской неприхотливости и онтологической выживаемости в самых острых исторических перипетиях, от которых ряд государств и даже империй приказывают долго жить, а Россия, отряхнувшись, продолжает развиваться дальше. Как правило, она продолжает существовать в какой-то новой, еще невиданной исторической форме, которая вначале выглядит как полное отрицание того, что было ранее, – не в этом суть вопроса.

Петр отрицает всю предшествующую (допетровскую, как мы сейчас говорим) эпоху. Советский строй аннигилирует, как кажется вначале, императорскую Россию, возрожденный как бы капитализм в конце XX века и практически, и философски «снимает» вопросы о существовании советского государства. Эти исторические «качели» носят какой-то невообразимый характер с точки зрения других государств, которые, если переживают революционные потрясения, то тем самым обозначается достаточно длительный период их дальнейшего развития, с какой-то корректировкой произошедших изменений, но не более того.

В России все происходит совершенно непонятным образом. Да и пропущенные нами из-за экономии места примеры из практики древнерусского государства – отношения с Ордой, борьба с нею и победа на Куликовом поле, Смутное время, в котором как бы происходит прекращение существования независимого русского государства, но и в одном случае и в другом происходит несколько совершенно неприметных, но существенных исторических движений народного целого, и жизнь Руси (России) меняется неузнаваемо. При этом стоит заметить, что вплоть до закрепощения крестьян на Руси, что в окончательном виде занимает достаточно длительный временной отрезок – от Ивана Грозного до Петра Великого, древнерусское общество было во многом социально однородно. За малым слоем боярской и княжеской знати находился громадный и нерасчлененный массив народного целого, который для своего разделения не имел особых предпосылок. Диффузия, подвижность этих отношений в полной мере начинается с Петра, именно он делает русское общество открытым для перемещения как по вертикали (Алексашка Меньшиков как самый яркий пример), так по горизонтали (угасание многих боярских родов и возвышение служилого дворянства).

На протяжении трех столетий после этого народное тело России проходило через такие испытания, какие привели к усилению разделения народа внутри самого себя. Простой народ и элита, как бы ее ни обозначать – бояре, дворянство, опричнина, служивые дьяки, аристократия, высшее чиновничество, коммунистическая партийная номенклатура – были разделены непродолимым рвом. В России так и не произошло революции такого типа (прямо укажем в духе правоверного марксизма – буржуазно-демократической), которая могла бы снять перегородки между сословными слоями, их уничтожить. Когда бы, не титул, не принадлежность по рождению к особой (и меньшей количественно) части населения, но имеющей многочисленные наследственные привилегии, в том числе и имущественные, а талант и трудолюбие в аспекте служению своему государству становились определяющими критериями.

Известного рода движение в эту сторону происходит в России после реформ Александра II (примеры Сперанского или Ломоносова до этого являются достаточно яркими, но единичными) и большей частью через мощное явление «разночинцев», какое в русской литературе

представлено великолепными образцами его художественного воплощения у Достоевского, Тургенева, Помяловского, Писемского, Гаршина, Чернышевского, других писателей. Но усилия этого слоя людей были направлены на борьбу с монархией, на радикализацию своих отношений с властью. Правда, Достоевский достаточно точно описал их «беспочвенность», отсутствие всякой связи с национальным началом; они явились как бы первыми космополитами в русской истории, не уважавшими и не любившими русскую культуру. Вероятно, в этом отношении они были близки как раз к «западникам» в русской истории, какие, конечно, принадлежали к дворянству и аристократии.

Не было более далекого класса (слоя) от реальной жизни основной массы населения, чем русская аристократия и высшее чиновничество в конце XIX и начале XX веков. К тому же Россия не смогла, в силу особенностей своего исторического развития, *сгенерировать* «третье» сословие – буржуазию, которая могла бы способствовать изменению методов и содержания управления государством, как это произошло на Западе. Русское купечество так и осталось социально-психологическим феноменом, сейчас больше известным тем, что оно или финансировало русских революционеров, своих будущих могильщиков, или проявило невиданное художественное чутье и на корню скупило лучшие произведения европейской живописи на рубеже веков, создав основу коллекций невиданного богатства и сложности (Морозов, братья Щукины, Третьяков). Места, да и потребностей для политических требований, для изменения социальной структуры государства у него, этого купечества, не было и в помине. Стоит отметить и тот факт, что русское купечество, что достаточно хорошо показано у Горького в романе «Дело Артамоновых», воспринимало свое занятие (бизнес, сказали бы сегодня), как несправедливое, не угодное Богу дело. (Это проявление той самой архаики психологического и религиозного рода, какой полнилось русское крестьянство, из которого и выходило купечество).

Знаменитые кутежи и загулы русских купцов во многом объясняются данной психологической раздвоенностью этой касты русских людей. Этим также объясняется и отсутствие политических претензий и всяческих поползновений по созданию социальных движений (партий), выражающих их интересы. То, что мы привычно, опираясь на опыт западноевропейских стран, называем буржуазными революциями, какие возникали в этих странах из-за нехватки политических свобод и, соответственно, экономических возможностей для развития предпринимательства этим «третьим» сословием, в России отсутствовало напрочь. Только в начале XX века стали появляться некоторые признаки, и очень осторожные, борьбы за политические свободы, какие поддерживались русской буржуазией. Не исключено, что и большевиков, каким они активно помогали в разных формах – и денежно, и морально, они видели как своих соратников в будущей социальной организации России без крайностей идей коммунизма. Слабость этих идей была очевидна на Западе, но в России они могли стать локомотивом либерально-буржуазных преобразований и прежде всего в экономико-политической сфере. Это было и иллюзией, и ошибкой юной русской буржуазии. Поэтому, когда мы по привычке старых учебников называем февральскую революцию 1917 года – буржуазно-демократической, это был, выражаясь современно, *симулякр*, слабая копия того, что уже пережил в свое время Запад. Ни совокупности философских, социальных и индивидуальных требований и идей не было и в помине, все носило стихийный, не продуманный характер. Этот процесс восьмимесячного как бы торжества буржуазных революционных идей в России как начался с фарса отречения Николая II, так и закончился тем, что горстка организованных и способных радикалов в лице большевиков легко и свободно взяла власть в свои руки.

В это время русская аристократия, выродившаяся и лишенная всякой пассионарной активности, совершенно находясь вне национальных отношений и привязок к родной культуре и территории, легко поддалась влиянию нескольких демагогов и авантюристов. Что говорить, к примеру, о психопатичном клоуне Керенском, о русских полубандитских организациях социал-демократов, на которые власть по существу, как теперь известно, никак серьезно

не реагировала, не проявляла и толики государственной воли. Говорить об ответственности перед народом, тысячелетней историей государства говорить вообще не приходится. Лучшие из ее представителей в лице Столыпина неизбежно должны были погибнуть (и погибли еще до наступления революции), поскольку места на будущей карте России им не было.

Но и эти *телодвижения* России представляют из себя некую вершину исторической активности по сравнению с временами застоя советской истории 60-70-х годов XX века, среди главных достоинств которой была стабильность и приверженность к пониманию текущих бытовых потребностей населения, так как до этого в русской истории данный вопрос не ставился никем и никак.

Достоевский думал и писал, что русский народ должен послужить великим уроком для всего человечества, понимая под этим неизбежную для России и его народа мессианскую жертвенность и прохождение через самые тяжкие испытания. Пророк оказался страшно прав, и мы этот процесс наблюдаем вплоть до сегодняшнего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.